

Нейман Е.

**Как жилось крестьянам при
помещиках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е11

Е11 **Е. Н.**
Как жилось крестьянам при помещиках / Нейман Е. – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 68 с.

ISBN 978-5-519-98874-2

ISBN 978-5-519-98874-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1. Откуда можно узнать о жизни помещичьих крестьян.

Еще и теперь среди крестьян встречаются старики, которые по собственным воспоминаниям могут рассказывать кое-что о том, как им жилось при помещиках.

Ведь еще в 1861 г., всего 64 года тому назад, существовало крепостное право, т.-е. полная зависимость крестьянина от помещика. Между тем этого помещика крестьянин содержал своим трудом, получая в награду небольшой земельный надел, на обработку которого барин зачастую не оставлял ему времени.

Но память стариков потускнела, к тому же все они были „освобождены“ еще в молодые годы.

Правда, эта „свобода“ вплоть до Октябрьской революции оставляла крестьян в подчиненном положении, облагая их особыми податями и надолго сохранив для них розги. После так называемой великой реформы жизнь крестьян еще во многом напоминала время до освобождения от крепостной зависимости: барщина и отработки продолжали процветать; крестьянину не хватало своего надела, и он арендовал землю прежнего барина и к нему же обращался в нужде за ссудой, а за это обязывался летом работать на пашне „благодетеля“.

Все же, чтобы воскресить картину прошлого и иметь ясное представление о том, как жили крестьяне при помещиках, надо обратиться к рассказам людей, которые жили еще во время крепостного права. Эти

рассказы в написанном виде сохранились до сих пор и во всех подробностях сообщают нам об условиях крестьянской жизни в то время.

Еще ярче отразилось это мрачное прошлое в челобитных (жалобах), которые можно разыскать в архивах и которые в свое время были поданы крепостными, доведенными до отчаяния злоупотреблениями помещика, в надежде и на него найти управу.

Чаще всего челобитчики сами же и оставались виноватыми. Те редкие случаи, когда жалобы крестьян достигали цели и истязатель-помещик получает заслуженное наказание, не забылись в народе и до сих пор.

Наверное, многие слышали о знаменитой Салтычихе, замучившей до смерти 75 своих крепостных. Долго жалобы крестьян на нее оставались без последствий, так как Салтычиха кому надо давала взятки. Она была так уверена в своей силе, что прямо говорила жалобщикам: „Вы мне ничего не сделаете, сколько вам ни доносить; мне все равно ничего не будет, и меня на вас не променяют“. Однако, дело приняло неожиданный оборот, и на ее зверства обратили внимание. Было наряжено следствие, которое подтвердило вопиющую жестокость в обращении этой помещицы с ее крепостными, и она была осуждена, как „мучительница и душегубица“. Ее посадили в каменную клетку за железной решеткой при одном из московских монастырей.

Но случай с Салтычихой—редкое исключение. Обычно крепостные не имели права ни в каких случаях приносить жалобы на своих господ. По закону крепостной получал 50 ударов розги, если осмеливался подать челобитную на своего владельца. И при разборе дела Салтычихи ее крепостные были по распоряжению сената наказаны плетью. А дворовый, давший много ценных показаний при ведении следствия против своей госпожи, за то, что ошибся в имени одной из пострадавших, был подвергнут наказанию кнутом.

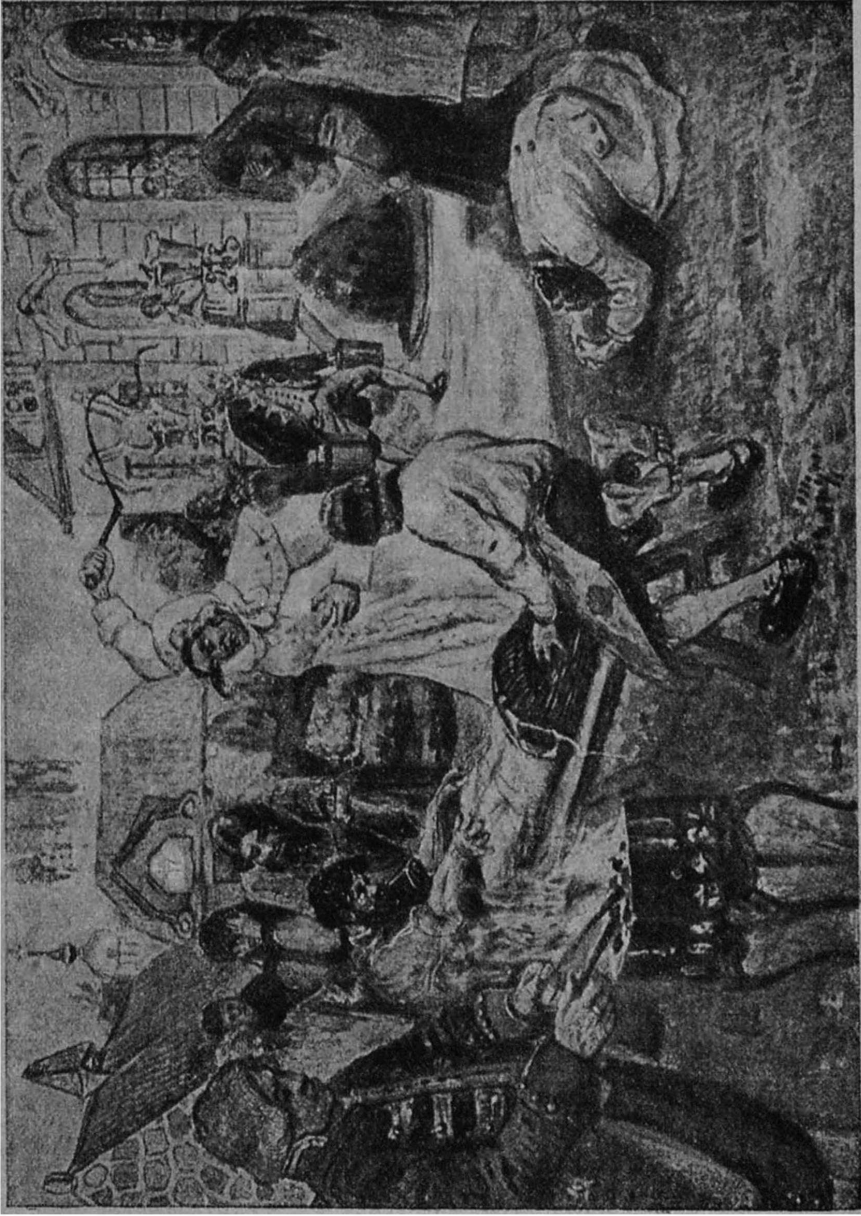

Рис. 1. Салтычиха.

(Картина П. В. Курдюмова)

Так строг был сенат к тем, кто осмеливался бить человеком государю на своего барина.

Со временем закон стал еще свирепее, и составители челобитных, как и подающие их, наказывались кнутом, а потом ссылались в Сибирь на бессрочные каторжные работы, а помещику сосланные засчитывались вместо рекрут.

В тех случаях, когда жалобы на притеснения помещика приносились какой-нибудь власти от многих лиц, администрация, даже не рассматривая жалобы, признавала просителей бунтовщиками. Сразу подозревалось восстание против власти, крестьянский бунт, и нарядилось дознание. Как вела себя при этом правительственная власть, мы рассмотрим несколько позже.

Уже на примере челобитчиков видно, как много могут обрисовать в положении помещичьих крестьян законы того времени, относящиеся к крепостным.

Теперь познакоимся с теми условиями жизни, которые, несмотря на полное бесправие перед законом и на жестокую расправу с челобитчиками, все же заставляли крепостных рисковать своей спиной и даже жизнью и обращаться с прошениями к царю-батюшке.

2. Барщина.

В помещичьей России вся земля принадлежала царю или дворянам. Долгое время и монастыри имели крупную земельную собственность, пока царица Екатерина II не отобрала ее в казну.

Внутри частного владения вся земля делилась на барскую и крестьянскую. Участок, приблизительно в 7—8 десятин, давался крестьянину вместо заработной платы. Помещику это было тем удобнее, что таким образом нужная ему рабочая сила была прикреплена к его владению и всегда была под рукой. Земельный участок давал крестьянину средства для пропитания, но помещик всегда ухитрялся сделать так,

что доходов крестьянина хватало лишь на то, чтобы он не мог умереть с голоду. Все, что было по мнению помещика лишним, он брал себе: отнимал у крестьянина и время и продукт труда, заставляя его работать на своей пашне, пользуясь при этом крестьянскими орудиями и крестьянской лошастью.

Закон, который указывал, сколько дней в неделю крестьянин должен работать на барина, появился лишь в XVIII в. при царе Павле I. Закон этот не требовал от помещика обязательного его исполнения, а скорее был советом дворянам, которого они могли и не исполнить. По этому закону воскресенье считалось праздником, а из остальных 6 дней крестьянин должен был 3 дня работать на помещика, другие 3 дня на себя. 3 дня барщины и были наиболее обычным сроком в то время, хотя зачастую для крестьян дело обстояло много хуже.

Вот, например, что известно о Рязанской губ.: „Помещичьим крестьянам свободные дни даются на себя работать не ровно, но по усмотрению помещика, и так у некоторых в неделе, кроме праздников, один день, а прочие на господина, а у других два дня на помещика, а третий крестьянину“.

В Оренбургской губ. „крестьяне помещичьи работают на своего господина по три дня в неделю, столько же и на себя, а воскресный день оставляется им свободным, но больше употребляют его так, как помещик хочет. Есть и такие помещики, что повседневно наряжают их на свои работы, а крестьянам для пропитания их дают один месячный хлеб“. Надо, однако, заметить, что перевод крестьянина всецело на барское содержание встречался очень редко, так как раскрестьянить крепостного значило для помещика взять на себя ответственность за подушную подать.

Крестьяне генеральши Толстой жаловались, что барыня заставляет их работать на барщине ежедневно, не освобождая даже по воскресеньям и самым большим праздникам.

Кроме того надо иметь в виду, что помещики в горячую пору заставляли работать на себя сплошь все время, освобождая крестьянина, когда погода уже испортилась и время ушло. Вот что писал об этом крестьянин Иван Посошков, живший при Петре I: „Помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимые, ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в рабочую пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у господ“.

Неудивительно поэтому, что закон о трехдневной барщине очень не понравился дворянам. Впрочем, скоро они увидели, что его легко обойти и не исполнить. Достаточно было вместо поденной работы задать определенный урок. Чаще всего с каждого тягла, т.-е. с одного мужчины и женщины вместе, требовалась обработка одной или полутора десятин в поле помещика.

Под влиянием этого же закона еще больше был увеличен надзор за крепостными во время работы на барской земле. Были помещики, которые додумались до того, чтобы на шею работника надевать рогатину. Рогатка давала уверенность, что измученный усталостью крестьянин не сумеет обмануть надсмотрщика и не ухитрится как-нибудь прилечь на землю в часы, которые ему положено работать. Другие для ускорения работы не допускали к воде и питью до тех пор, пока не будет выполнен урок.

Предвидя, что на своем участке для себя крестьянин приложит все свои силы, а на барщине постарается лишь как-нибудь отбыть повинность, помещик давал приказание своему управляющему сравнить качество уродившегося господского хлеба с крестьянским и, если на боярской пашне хлеб будет худой, а у крестьянина добр, то сбор с крестьянских наделов собрать для себя, а хлеб с плохо-обработанной пашни отдать крестьянам.

Рис. 2. Наказание батогами. Из книги аббата Chappe d'Auteroche *«Voyage en Sibirie»* 1761 г. (Amsterdam, 1769 г.).

Несмотря на все эти предосторожности, все же барин всегда находил, что работа производится слишком медленно, постоянно обвинял крестьян в лени и неисправности. Тут он находил одно только средство борьбы со злом—немилосердными наказаниями хотел придать и силу и охоту для выполнения подневольного труда. За малейшую провинность—батоги, плети и розги сыпались на крестьянскую спину сотнями и тысячами.

Батоги—это плетенные из гибкого дерева жгуты. Способ, каким били батогами, один иностранец, видевший его, описывает так: „Растянув преступника на земле и раздев его до рубашки, два заплочных мастера садятся, один в головах, а другой на ноги, и попеременно колотят его по спине своими палками; мало того, некоторых за более тяжкие преступления они бьют этими же дубинками по животу, пока они не испустят духа“.

Плеть состояла из деревянной ручки с железным кольцом; от кольца шел ременный цилиндр в 5 верш. длины с другим железным кольцом на конце, к которому были привязаны 2 „хвостика“ из сыромятной кожи. Хвостики постепенно утончались в мизинец взрослого человека. Для увеличения боли на концах завязывались узлы или вдевались свинцовые пульки.

Розги заведись в русском обиходе позднее. Их переняли от немецких помещиков Прибалтийских губерний. В „Русской истории“ Покровского о розгах написано следующее: „Все находили, что розги—наказание столь же мучительное, но будто бы менее вредное для здоровья, чем палки. Русские помещики сначала употребляли этой мягкой формой наказания и назначали розги тысячами и десятками тысяч. Только постепенно они убедились, что розгами можно даже вернее засечь человека, чем палками. За этот опыт, вероятно, поплатилась жизнью не одна тысяча крестьян“. Розги—тонкие прутья, каждый в 1^{1/2} арш. длины.

Чтобы удар был крепкий и болезненный—прутья брали не слишком свежие, но и не сухие. Обычно для этого их сохраняли в сыром месте. У Аракчеева в графском арсенале всегда стояли кадки с рассолом, в которых мокли розги и палки для расправы с крепостными. Розгу делали из 10—15 таких прутьев, связывая их веревкой. Каждая розга хватала только на 10 ударов, потом ее сменяли.

Способ наказания и количество ударов назначал сам барин, а, если хозяйством он не занимался лично, то его управляющий. За что и как наказывали—можно судить по некоторым письменным документам. Вот письмо боярина Морозова к своему управляющему, в котором он старается своему суду придать вид справедливости и закономерности: „Первая вина—спусти ь; смотря по тому, если небольшая вина, побранить словом и дать на поруки; а сворует другорядь—и таких бить батоги, а сворует третье—и такого бить кнутом“. В то время воровством называлась не только кража, а всякий обман, хитрость, непослушание. Таким образом, управляющему предоставлялось право самому решать, что именно называть воровством, и самому указывать число ударов. Гораздо больше внимания барин обращал на то, сколько времени после наказания ослушник будет нетрудоспособным. Тут иногда очень точно определялась продолжительность болезни после „нещадного“ наказания. В „Журнале домашнего управления“ выработаны такие пункты: „Тому, кто получил 100 ударов плетями на дровнях или 17.000 розог, не дозволяется лежать больше недели; получившему 50 плетей или 10.000 розог—более полунедели и т. д. соответственно числу полученных розог и плетей“. И многие помещики в самом деле пользовались этими пунктами, штрафуя тех, кто в указанный срок не успевал оправиться от побоев.

Нет конца тому самодурству, которое позволяло помещикам выдумывать различные правила и приказы

для своих крепостных. В этом же „Журнале домашнего управления“ тр буется, чтобы все крепостные точно выполняли религиозные обряды: „А ежели кто который год не будет говеть—того плетью, а которые не причастятся, тех сець розгами, давая по 5.000 нещадно“. Или захотелось барину, чтобы его крепостную, впавшую в немощь, именовали не по отчеству, а звали бы „трусихой и лживицей“,—и он отдает приказание: того, кто Феклу именем и отчеством назовет, сець розгами по 5.000 нещадно.

Иногда помощик отдавал самые сумасбродные распоряжения только для того, чтоб поглумиться.

Князь Голицын развлекался, например, так: только придут крестьяне с барщины, как он приказывает быть набат на пожар. Усталые крестьяне принимаются делать все установленные пожарные приготовления, а барин потешается и приказывает разобрать какую-нибудь избу, чтобы крестьяне не даром скакали по селу, чтобы хоть немного вышло похоже на пожар.

Приказания барина исполнялись, конечно, в точности, так как лица, через которых делались все распоряжения, первые попадали к ответу. Вот, например, каково положение старосты в барщинном имении: „Обыкновенно каждый вечер у приволки господского кабинета появлялась фигура старосты в лаптях и армяке. Староста докладывал барину о делах по хозяйству за истекший день и получал распоряжения на следующий. Если барин был доволен старостой, то приказывал поднести ему рюмку водки, если нет—кричал на него, бил, а если неисправность велика, отправлял на конюшню, где старосте и отпускали сколько следовало розог“. Где же тут было ослушаться? Наоборот, и староста и всякий другой крепостной, попавший в положение начальствующего над всей остальной подневольной братией, из кожи лезли, чтобы угодить барину, не навлечь на себя его гнева и сохранить свое все же несколько лучшее положение.